

Короли
в ИЗГНАНИИ

Альфонс Доде

КОРОЛИ В ИЗГНАНИИ

ФТМ

Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Д60

*Перевод с французского
Николая Любимова*

Доде, А.

Д60 Короли в изгнании / Доде, А. [пер. с фр. Н. Любимов]. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 454 с.

ISBN 978-5-4467-2151-1

«Короли в изгнании» – роман французского писателя и драматурга Альфонса Доде о судьбах коронованных особ, потерявших трон и корону у себя на родине и оказавшихся на чужбине. Начало событий, изображённых в романе, точно датировано 1872 годом. Не претендуя на какую-либо историческую достоверность, Доде придаёт своему рассказу характер широкого обобщения. Интрига романа очень сложна, круг человеческих связей и отношений, изображённых в нём, широк и многообразен. Перед читателем проходит пёстрая и разнохарактерная толпа людей, интересы которых то враждебно сталкиваются, то объединяются и сложно переплетаются.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Любимов,
наследники, 2018

ISBN 978-5-4467-2151-1

*Эдмону де Гонкуру, историографу
королев и фавориток, автору
«Жермини Ласерте» и «Братьев
Земганно», посвящаю этот роман из
современной жизни в знак самого
искреннего восхищения.*

I

Первый день

Фредерика спала с самого утра. То был сон беспокойный, нездоровый, в котором отражались все мытарства свергнутой и изгнанной королевы; сон, сквозь который ей все еще слышалась пальба; сон, наполненный тревогой и шумом двухмесячной осады; сон, населенный видениями, кровавыми и воинственными; сон, заставлявший ее то рыдать, то вздрагивать, то затихать. И вдруг она с ужасным чувством проснулась.

— Цара!.. Где Цара?.. — крикнула она.

Одна из служанок осторожно приблизилась к кровати и постаралась успокоить Фредерику: его королевское высочество сладко спит у себя в комнате; госпожа Леонора при нем.

— А король?

— В первом часу дня выехал в гостиничной карете.

— Один?

— Нет. Его величество взял с собой советника Босковича.

Слушая далматинский выговор горничной, звучный и твердый, напоминавший шорох волны, скользящей по гальке, королева чувствовала, как страхи ее улечиваются. И немного погодя тихий номер гостиницы, который она, прибыв на рассвете, едва разглядела, номер с его светлыми обоями, высокими зеркалами, пушистой белизной ковров с бесшумно и стремительно летающими ласточками, при опущенных шторах приобретающими сходство с крупными ночными бабочками, уже рисовался перед ней во всей своей успокоительной и роскошной банальности.

— Пять часов!.. Печа! Причеши меня скорей, скорей!.. Ай, ай, ай, что же это я так долго сплю?..

Пять часов дня — чудеснейшего из всех, какими лето 1872 года радовало парижан. Выйдя на длинный балкон гостиницы «Пирамиды», пятнадцать окон которой, задернутые розовыми тиковыми занавесками, обращены на самую красивую часть улицы Риволи, королева замерла от восторга. Внизу по широкой мостовой, заглушая стуком колес плеск воды, поливавшей тротуары, непрерывная вереница экипажей мчалась к Булонскому лесу, и при взгляде на нее начинало рябить в глазах от мелькания спиц, лошадиной сбруи и светлых нарядов, трепетавших на ветру, поднимавшемся от быстрой езды. Оглядев толчею у золоченой решетки Тюильри, королева перевела восхищенный взор на сверкающую круговерть белых платьев, золотистых волос, ярких шелков, на веселье детских игр, на всю эту расфранченную и шаловливую кутерьму, в солнечные дни не утихающую вокруг террас громад-

ного парижского сада, и наконец с наслаждением остановила его на куполе зелени, на необъятной круглой сплошной кровле из листьев, которую образовали растущие в центре сада каштаны, в этот час укрывающие под своей сенью военный оркестр и дрожащие каждым листиком от гама детворы и рева труб. При виде всеобщего оживления горечь, переполнявшая сердце изгнанницы, становилась менее терпкой. Королеву окутывало блаженное тепло, мягкое, плотно облегающее, точно шелковая сетка. На щеках королевы, побледневших от лишений и бессонных ночей, заиграл румянец. «Господи, как хорошо!» — невольно подумала она.

Такое внезапное и безотчетное облегчение наступает независимо от тяжести горя. И исходит оно не от живых существ, а от разнообразия предметов, говорящих без слов. Низложенной королеве, вместе с мужем и сыном выброшенной на чужбину одним из тех народных восстаний, которые можно сравнить с землетрясениями, и притом такими, что сопровождаются разверзанием бездн, громовыми ударами, извержением вулканов; этой женщине, чей немного низкий, но все же гордый лоб прорезала морщина, казавшаяся как бы следом от одной из прекраснейших корон Европы, — этой женщине человеческое участие не могло принести утешение. Зато природа, обновленная и ликующая, представшая перед ней чудным парижским летом, хранящим в себе и тепло оранжереи, и ту приятную свежесть, которая всегда указывает на близость реки, внушала ей умиротворяющую надежду на возрождение. Нервы ее постепенно успокаивались, глаза

впивались в зеленоватую даль, но вдруг изгнанница вздрогнула. Налево от нее, у входа в сад, мрачным видением высилось здание с обуглившимися стенами, с закопченными колоннами; крыша на нем обвалилась, вместо окон зияли голубые дыры, через которые открывался вид на сплошные развалины. И только у самой Сены маячил обгорелый, но почти не разрушенный павильон с почерневшими от огня балконными перилами. Вот все, что осталось от Тюильрийского дворца.

Это зрелище потрясло Фредерику: у нее было такое чувство, словно сердце ее разбилось о камни развалин. Каких-нибудь десять лет назад, да и того нет, она жила со своим мужем в Тюильрийском дворце; теперь она случайно поселилась как раз напротив его развалин, и в этой прискорбной случайности ей чудилось что-то зловещее. В Тюильри они гостили весной 1864 года. Спустя три месяца после свадьбы графиня Цара, счастливая тем, что она — молодая жена и наследная принцесса, отправилась в путешествие по дружественным странам. Все, казалось, любили ее, все так радушно ее принимали! Особенно в Тюильри: что балов, что празднеств! Она и сейчас еще словно видела их под обломками. Воображению Фредерики явились залитые светом, сверкавшие драгоценными камнями огромные великолепные галереи, бальные платья, колыхавшиеся на широких лестницах между рядами блестящих кирас, а звуки невидимого оркестра, порой доносившиеся до нее из сада, казались ей звуками оркестра Вальдтейфеля в Зале маршалов. Не тем ли горячим

подвижным воздухом дышала она, танцуя со своим дворянским братом Максимилианом за неделю до его отъезда в Мексику?.. Да, все это было... Кадриль императоров и королей, королев и императриц, чье пышное соцветие и чьи торжественные лица восстановил в ее памяти этот мотив из «Прекрасной Елены»... Макс, озабоченно покусывавший свою рыжеватую бородку... Против него, рядом с Наполеоном, — Шарлотта, преобразившаяся от счастья быть императрицей... Где они сейчас, участники красивой кадрили? Кто умер, кто изгнан, кто сошел с ума. Траур за трауром! Несчастье за несчастьем! Видно, сам Бог отступился от королей!..

И тут она вспомнила все, что ей пришлось испытать после смерти старого Леопольда, надевшей на нее корону Иллирии и Далмации. Ее дочь — первый ее ребенок — умерла от одной из тех непонятных, не имеющих названия болезней, которые являются следствием истощения крови, следствием вырождения, — умерла во время коронации, так что пламя погребальных свечей сливалось с иллюминационными огнями, а в соборе ко времени отпевания еще не успели снять национальные флаги. В дальнейшем к этому великому горю, к тревоге, которую постоянно внушало ей слабое здоровье сына, примешались еще и другие печали, но их она никому не поверяла, — она таила их в самом укромном уголке женского самолюбия. Сердце народов — увы! — так же изменчиво, как и сердце королей. В один прекрасный день Иллирия, которая прежде воздавала столько почестей своим властителям, ни с того ни с сего разлюбила их. Начались недоразумения,

возникло молчаливое сопротивление, недоверие, потом ненависть, люта́я ненависть всей страны, ненависть, которая чувствовалась в воздухе, в тиши улиц, в насмешливых взглядах, в том, как дрожали от сдерживаемого бешенства склоненные головы подданных, заставляя Фредерику отшатываться от окна или забиваться в угол экипажа во время коротких прогулок. О, эти грозные крики у подножья ее замка в Любляне! Теперь, когда Фредерика смотрела на дворец французских королей, они как будто вновь раздавались у нее в ушах. Мертвенно-бледные, обезумевшие от страха министры, на последнем заседании совета молящие короля об отречении... бегство через горы, ночью, в крестьянской одежде... восставшие села, шумные, охмелевшие от свободы так же, как и города... потешные огни на вершинах... слезы умиления, несмотря на всю тяжесть переживаемой невзгоды брызнувшие из глаз Фредерики, когда в одной хижине ее сыну дали на ужин молока... внезапное решение, на которое она склонила короля, — запереться в пока еще верном Дубровнике, и там два месяца лишений и душевных мук, жизнь в осаде, под обстрелом, больной наследник, умирающий от голода, наконец, позор капитуляции, мрачный отъезд под безмолвными взглядами усталой толпы, французский корабль, уносящий их навстречу новым бедствиям, навстречу бесприютности, навстречу неизвестности, которые ждут их в изгнании, а зади них новенький флаг Иллирийской республики, победно реющий над развалинами королевского замка... Обо всем этом ей напомнили руины Тюильри.